

ГЛАВА 1.

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ

По различным оценкам, человек разумный как вид сформировался 200–300 тысяч лет назад. Около 60 тысяч лет назад люди начали активно расселяться по континентам. Примерно 50 тысяч лет спустя, за 8000 лет до н.э., после аграрной революции, кочевые племена и народы постепенно стали закрепляться на наиболее плодородных участках земли, образуя первые устойчивые национальные образования и протогосударства. Минуло еще пять тысяч лет, и появилась письменность, а с нею вместе — и литература¹.

Таким образом, минимум 50 тысяч лет первые люди, далекие прародители человечества, провели в вольных странствиях, в исследовании и поиске, в осмыслении мира и своего места в нем. Детство — основа личности человека, это скажет вам любой психотерапевт. Как бы ни влияли потом социальная среда и жизненный опыт, именно детские впечатления формируют структуру будущего характера, и человечество сформировано тысячелетиями путешествий, свободным бродяжничеством, первооткрытием мира, во время которых складывались самые ранние мифы, легенды и песни.

11

*«Под звездным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.*

¹ Собственно, термин литература происходит от латинского «*litera*», то есть «буква»; таким образом, формально литературой можно назвать все, что этими буквами записано, включая счет в ресторане или повестку в суд. Древнейшие памятники человеческой письменности — это именно хозяйственные записи и финансовые отчеты.

*Немного нужно для наитий:
Кто потерял в песке колчан,
Кто выменял коня — событий
Рассеивается туман.*

*И, если подлинно поется,
И полной грудью, наконец,
Все исчезает — остается
Пространство, звезды и певец!»¹.*

12

Существуют четкие маркеры, по которым археологи определяют, что нашли стоянку именно человека разумного, а не кого-то из его многочисленных предков рода Номо. И это вовсе не орудия труда, неперенные атрибуты «человека умелого»; в конце концов, даже современные шимпанзе используют палки и камни для своих обиходных нужд. Первым признаком Номо Sapiens является наличие захоронений: не простого избавления от мертвых тел, брошенных кое-как или небрежно прикрытых песком и камнями, но явных следов выполненного по определенным правилам ритуала, отражающего представление о потустороннем мире и жизни после смерти. Собственно, именно наличие таких представлений есть первое свойство разумного человека. Второй маркер — художественная фантазия, способность к творческому переосмыслению реальности, что является основой искусства. Один из самых ярких примеров проявления подобной фантазии — так называемый «Штадельский человек-колев» — найденная в Швабском Альбе фигурка из бивня мамонта, изображающая человека с головой льва, выполненная с изрядной изобретательностью и мастерством. Неизвестный художник создал ее около 40 тысяч лет назад, примерно за 30 тысяч лет до аграрной революции и за 35 тысяч до первых письменных памятников. У этого художника каменного века имелись достаточно спокойный досуг, желание созидать и, что самое важное, способность к художественному вымыслу. Такая способность вместе с убежденностью в существова-

¹ О. Мандельштам, 1913 г.

нии иного, нематериального, духовного мира, и есть главные характеристические черты человека; благодаря им и рождается миф.

В современном языке слово «миф» окрашено несколько снисходительным или даже презрительным эмоциональным оттенком; определяя что-то как миф, мы обыкновенно имеем в виду выдумку. Но это не так. Миф — форма познания и объяснения мира при помощи творческого воображения и через художественные образы.

Это главное, что нужно про него знать.

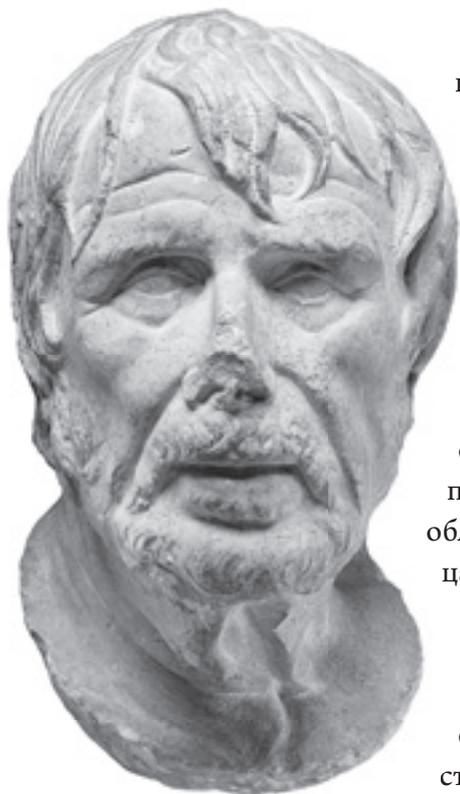
На протяжении десятков тысяч лет мифы предлагали людям стройные и исчерпывающие законы мироздания, которые для человеческого сознания были более достоверны, чем даже, казалось бы, очевидные факты. Для верующего миф неоспорим и неопровержим: он убедительно объясняет устройство мира, в то время как факт сам по себе не объясняет ничего. Собственно, и мировоззрение современного человека в значительной степени строится не на рациональном знании, а на эмоциональной убежденности в истинности той картины действительности, которую рисует избранная им одна из множества современных мифологических систем, на чем бы эта система ни была основана: на науке, религии или политической пропаганде.

13

С точки зрения социальной культуры, миф — это важнейший связующий элемент общества, скрепляющий его единством ценностей, взглядов на мироздание и свое место в нем. Как любая мировоззренческая система, миф отвечает на главные вопросы бытия: что такое этот мир и как он возник? Что такое человек? И что такое человек в этом мире? Ответы на эти вопросы формировались внутри различных культур в течение многих тысячелетий, и к моменту возникновения письменности, как правило, уже облекались в стройную мифологическую систему.

О системе древнегреческой мифологии известно в основном из литературных произведений: «Илиады» и «Одиссеи», трагедий Эсхила и Еврипида, но более всего из поэмы знаменитого **Гесиода** «**Теогония**», что в переводе значит буквально — «Происхождение богов».

Гесиод считается самым древним из античных поэтов, историческое существование которого достоверно подтверждено, а его «Теогония», вкупе с поэмой «Труды и дни» — первыми письменными

Мраморный бюст Гесиода, традиционно считавшийся изображением Сенеки. I век

памятниками античной литературы. О Гесиоде известно удивительно много, если учесть, что жил он в начале письменной эпохи, на рубеже VIII–VII вв. до н.э., то есть 2 800 лет назад. Он родился в городе Киме греческой Эолиды — сейчас это территория современной Турции; отец его занимался торговлей, но, по всей видимости, не слишком удачно, ибо впоследствии был вынужден перебраться из приморской Кимы в Беотию, центральную область Эллады¹, где и крестьянствовал до конца своих дней. Гесиод — первый из древних античных поэтов, заявивших себя как индивидуальную творческую личность, и подкрепивший это веским обоснованием: по его собственному утверждению, еще в детстве на горе Геликон к нему явились местные

нимфы и вместе с поэтическим даром вручили лавровую ветвь как материальное подтверждение богоизбранности. Кстати, сюжеты, в которых талант поэта был связан, порой весьма драматически, с нимфами, эльфами и прочими гениями места и низшими божествами, мы еще не раз встретим в истории литературы. Что же до Гесиода, то высокое творческое призвание не помешало ему заниматься всю жизнь земледелием и достичь в этом несомненных успехов; в его первой большой поэме «Труды и дни» большая часть посвящена описанию крестьянских работ, сельскохозяйственным приметам, календарю и прочим подобным материям, а еще — увещеваниями, обращенными к брату, с которым Гесиод самым прозаическим образом судился из-за наследства. Второй была «Теогония», и в ней Гесиод в поэтической форме обобщил и систематизировал не только современные ему представления о богах, но и древнейшие мифы творения,

¹ Эллада — античное название территории Древней Греции

обрывочные фрагменты космологического эпоса, уходящие через сумрак Темных веков к мистериям минойской и микенской цивилизаций, верованиям древних ахейцев и еще дальше, к культам и фетишам первобытного мира.

Гесиод стал для древнегреческих мифов тем же, кем Снорри Стурлусон для скандинавской мифологии, Томас Мэлори для легенд о короле Артуре или Монтегю Саммерс для вампиризма и ведьмовства: гениальным компилятором, первым собравшим воедино множество разрозненных и зачастую противоречивых историй и создавшим из них единое гармоничное целое.

Бесспорно не установлено, был ли Гесиод автором и других приписываемых ему произведений: например, поэмы с интригующим названием «Каталог женщин» (именно так, потому что «*Κατάλογος*» — греческое слово), где подробно перечислены счастливицы, на которых обратили свое страстное внимание боги, а также последствия этого внимания, — почти каждый житель благословенной Эллады мог узнать, от какого божества идет его род. Но, судя по нескольким сотням сохранившихся фрагментов его сочинений, Гесиод остался верен и избранной теме, и своему божественному дару поэта.

15

Однако, при всем почтении к избраннику Геликонских нимф, мы, а также многие поколения советских и российских школьников, примерно с 20-х годов прошлого века и до наших дней, изучали древнегреческую мифологию вовсе не по Гесиоду.

Античные мифы для России открыл Николай Альбертович Кун. Уверен, что это имя известно и памятно почти всем, как и его знаменитая книга «Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима», которую обыкновенно задавали читать на лето между четвертым и пятым классом, как раз перед изучением соответствующего исторического периода. Моя книга была в изрядно потертой темно-синей обложке с темно-красным силуэтом поэта с кифарой в руках; пожелтевшие страницы распухли от времени и пахли библиотекой. Полагаю, что многим читателям моего поколения памятно именно такое издание, точно так же как, например, учебник истории пятого класса в черной обложке и с изображением триумфальной арки Пальмиры, ныне безвозвратно разрушенной войной.

Кун родился в 1877 году, в интеллигентной московской семье. Он был настоящим просветителем и педагогом, всю жизнь занимавшимся преподаванием: в женской гимназии, Берлинском университете, частном реальном училище, на Московских педагогических курсах, в Нижегородском народном университете; он руководил экскурсиями для русских учителей в Риме, вел занятия для преподавателей начальных школ, читал лекции с кинофильмами в рабочих клубах Москвы, Твери, Нижнего Новгорода, Владимира, Нижнего Новгорода, Ярославля; позднее преподавал в МГУ, Московском педагогическом институте, Институте философии, литературы и истории и даже в музыкальном техникуме.

16

Первое издание его книги, посвященной античной мифологии, увидело свет в 1914 году и называлось «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях». Сам Кун адресовал ее «для учеников и учениц старших классов средних учебных заведений», что обусловило некоторые особенности пересказа отдельных историй. Подобно тому, как в свое время братья Гримм при литературной обработке народных сказок изрядно смягчили для читающей публики их бесхитростную крестьянскую жестокость, так же и Кун предпочел опустить подробности, чересчур откровенные для подростковой аудитории. Так, например, в оригинальном изложении у Гесиода богиня красоты и любви Афродита рождается в пене, которая образовалась из спермы оскопленного Кроносом Урана:

*«Член же отца детородный, отсеченный острым железом,
По морю долгое время носился, и белая пена
Взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене
Той зародилась».*

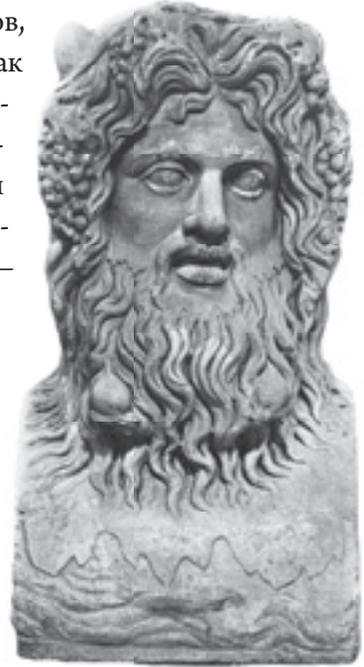
Гесиод, «Теогония», 188–190.

Кун же просто упоминает, что *«тело ее бело и нежно, как морская пена, родившая ее»*, опуская лишние подробности, касающиеся природы этой нежности и белизны. Впрочем, сути такие умолчания не искажают. Для русского общества XX–XXI вв. книга Куна была и остается самым академически исчерпывающим, популярным и до-

ступным изложением греческих и римских мифов, а потому далее мы будем в основном опираться, как на источник, именно на нее. Разумеется, нет никакого смысла пересказывать полностью содержание этой великолепной работы. Мы лишь освежим в памяти ключевые сюжеты в той мере, которая необходима для понимания античной литературы — и первыми будут, разумеется,

МИФЫ ТВОРЕНИЯ

Итак, вначале существовал лишь вечный темный Хаос, в котором содержался источник жизни всего сущего. Из Хаоса произошла богиня Земли Гея, а также расположенный под Землей Тартар — мрачная, полная ужасов бездна. После этого свет отделился от тьмы: Хаос порождает Мрак-Эреб и Ночь-Нюкту, из которых возникли вечный Свет-Эфир и День-Гемера. Затем разделяется Земля и Небо-Уран, и космология постепенно приобретает некоторые антропоморфные черты: Уран берет в жены Гею и в браке с ней производит на свет шесть дочерей и сыновей, титанов природных сил и стихий, например, Океана, а еще светоносных Гипериона и Тейю, в свою очередь породивших Солнце-Гелиоса, Луну-Селену и Зарю-Эос, более известную нам — и особенно петербуржцам — под римским именем Аврора. Первичное обустройство мира было в общих чертах завершено: установлена смена дня и ночи, на небе зажглись соответствующие времени суток светила и звезды, по земле потекли реки, а четыре

Бюст Океана. 1859 г.
Фотография Джеймса
Андерсона (1813–1877)

Ночь и ее дети Эфир и Гимера (Гесиод,
Теогония). Ок. 1810–1815 гг. Художник:
Генрих Фюсли (1741–1825)

Битва богов и великанов.
Амфора (кувшин)
Ок. 525–500 гг. до н. э.

ветра — северный Борей, восточный Эвр, западный Зефир и южный Нот, — задули с разных концов света и принялись гонять облака. Но тут что-то впервые пошло не так.

Гея неожиданно порождает трех одноглазых великанов — циклопов, и еще трех громадных, пятидесятиголовых и сторуких «гекатонхейров» (что в переводе, собственно, и означает «сторукий»). Уран радости от рождения подобных детей не испытал и буквально засунул их обратно — в породившую великанов Землю, заключив их там в глубоком мраке. Страшное бремя терзало и давило несчастную Гею; она изготовила из металла острый серп и призвала детей-титанов восстать против отца. На это согласился только один, коварный титан Крон, или Кронос, чье имя означает «*время*». Кун деликатно сообщает нам, что Крон лишил Урана силы; от более откровенного Гесиода нам известно, что Крон

довольно решительно воспользовался серпом, после чего сверг Урана и захватил власть. Этот акт безусловного зла дал начало его распространению по Земле: очаровательная Афродита, появившаяся из пены, взбитой отрезанным половым членом, была единственным приятным последствием кастрирования Урана. Из капель его крови народились богини мщения Эринии и змееногие великаны, а Ночь в наказание Крону произвела целый сонм пренеприятных персонажей: Таната — смерть, Эриду — раздор, Апату — обман, Кер — разрушение, Немесиду — возмездие, и Гипноса — бога сна. Но не того сна, после которого чувствуешь себя отдохнувшим; то был бог сонного паралича, оцепенения и кошмаров. Мир из довольно симпатичного места разом стал юдолью страданий и страха.

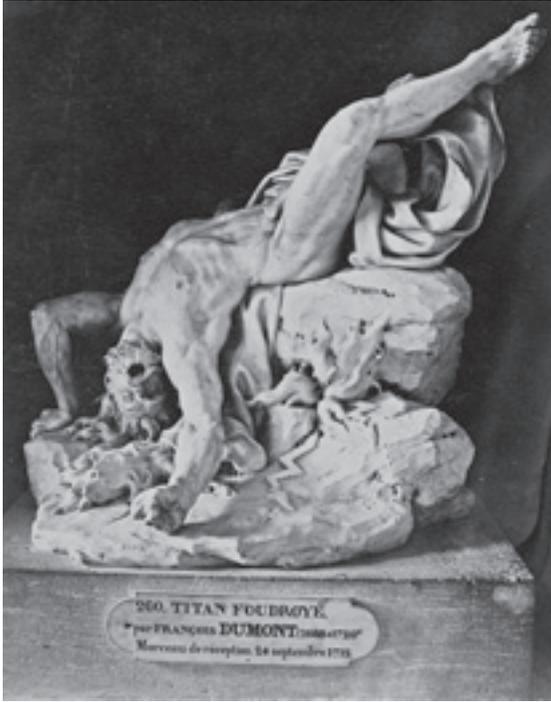
Более всего страх терзал самого Крона: вероломно свергнув отца, он и сам боялся быть низвергнутым своими детьми. Мысли о серпе не давали покоя. Крон повелел своей жене, титаниде Рее, приходившейся ему одновременно и сестрой, и супругой, приносить ему всех новоро-

жденных детей, которых он без всякого сожаления проглатывал. В данном случае более поздний антропорфизм снова чуть уступает символическим смыслам архаики: представить себе такое с человеческой точки зрения почти невозможно, но если увидеть Крона как образ всепоглощающего времени, то картина станет более приемлемой для восприятия. Как бы то ни было, но Крон проглотил таким образом Гестию, покровительницу домашнего уюта, богиню плодородия Деметру, будущую первую леди Олимпа Геру, а также ставших впоследствии владыками подземных и подводных глубин Аида и Посейдона. Рея, стремясь спасти от Крона хотя бы одного ребенка, удалилась на остров Крит, где в тайной пещере родила Зевса, а жестокосердому родителю вместо младенца подсунула завернутый в пеленки камень, который тот и проглотил, нисколько не заметив подмены. Зевс подрос, вошел в силу и немедленно воплотил в жизнь худшие страхи своего отца Крона: он заставил его для начала извергнуть обратно проглоченных сестер и братьев, а потом с ними вместе вступил с Кроном в борьбу.

Началась война поистине вселенских масштабов. Зевс с братьями, сестрами и некоторыми примкнувшими к ним титанами закрепился на Олимпе, Крон с прочими титанами и титанидами яростно атаковали. Зевс обратился за подмогой к циклопам, а потом освободил и гекатонхейров. Сторукие гиганты вырывали из земли целые скалы и обрушивали на титанов, Зевс разил молниями, моря кипели, горы плавилась, мир содрогался, пока, наконец, титаны не были побеждены. Их сковали и низвергли в мрачные бездны Тартара, в вечную тьму, а охранять поставили тех самых гекатонхейров, вернувшихся в подземелья, но сменивших статус с узников на сторожей.

Гигантомахия (битва богов и гигантов).
Терракотовая колонна-кратер (чаша для смешивания вина и воды) Ок. 540 г. до н.э.

Титан, пораженный молнией. 1852–1864 гг.
Фотография Томмазо Куччиони (1790–1864)

Последним актом космической битвы стала схватка Зевса с Тифоном. Земля-Гея, до поры сочувствовавшая Зевсу и даже помогавшая Рее прятать его в пещере на Крите, посчитала вечное заточение в подземном мраке слишком суровой карой для своих детей-титанов и в союзе с Тартаром породила кошмарное стоголавое огнедышащее чудовище — Тифона. Это последнее яркое проявление Геи-Земли в качестве активного действующего лица: за пределами мифов творения она практически не субъектна и как личность очевидно отделяется от земли как стихии. Уран в большей степени тоже частный персонаж, а не само Небо — от того, что его

оскопили и свергли с престола, небесный свод не рухнул и не разверзся.

Тифон удался Гее на славу. Снова кипели моря и реки, дрожали горы, горел воздух, грохотали раскаты грома, пока Зевс не испепелил молниями все сто голов Тифона, а его обуглившуюся тушу бросил обратно в породивший его мрак Тартара. Здесь тоже не обошлось без неприятных последствий: Тифон успел произвести на свет адского пса Цербера, знаменитую Лернейскую гидру и чудовищную Химеру. Но в целом установление космологического порядка было завершено, и в мире воцарилась относительная гармония.

Эта впечатляющая феерия имеет как явные признаки первобытной архаики, так и некоторые общие черты с космогонической мифологией других мировых культур. Мы видим инцест, в контексте мифологического сюжета существующий как социальная норма: безусловное эхо древнейших времен, когда замкнутость локального племени не оставляла иных шансов найти себе пару, как только среди ближайших

родственников. И это еще не худший выбор — Гея, например, и вовсе сперва произвела на свет Урана-Небо, а потом уже принялась рожать от союза с ним титанов и титанид.

Очевидны следы перехода от матриархата, характерного для ранних аграрных культур, к более позднему патриархальному обществу: об этом говорит ожесточенная борьба с чудовищами, которых, одно страшнее другого, извергает из своего чрева первобытная Мать-Земля.

Наконец, пресловутый детородный член, отсеченный у злостного Урана серпом — сельскохозяйственным орудием! — представляет собой широко распространенную мифологему патриархальной аграрной культуры, в которой напрямую увязывалась половая потенция вождя с его способностью править, причем утрата одной приводила порой не только к потере власти, но и к бесплодию самой земли. Мы еще встретим такие сюжеты в легендах других времен и народов.

Вообще, схожесть архаических мифов творения различных, весьма удаленных друг от друга древних культур, общеизвестна. Практически везде первичными состояниями являются мрак и хаос: скандинавская бездна Гиннунгагап, иудео-христианская «тьма над бездною», загадочный китайский «хуньдунь», который то ли сам хаос, то ли символизирующее его существо, лишенное органов чувств и похожее на яйцо — такое же, какое рождается из огня в мифологии индуизма.

Также почти везде упоминается вселенских масштабов битва, предшествовавшая периоду относительной стабильности и гармонии. Например, индуистский бог Индра сокрушил коварных змееподобных асуров, а его союзник Рудра низверг их с небес, при этом испепелил и самих асуров, и принадлежавшие им волшебные летающие города. Популярный ныне скандинавский Один вместе с братьями Ве и Вили восстал против богоподобного великана Имира и его сыновей — совсем как Зевс против Крона с титанами. Всем известно и предание о свержении с небес Сатаны вместе с примкнувшими к нему падшими ангелами, проигравшими сражение архангелу Михаилу и его летучему воинству. Но в данном случае речь скорее идет о позднейших интерпретациях, потому что в библейской Книге Бытия, повествующей о сотворении мира, о таких событиях нет ни слова. Намек на них содержится только у пророка Исаии, упоминающего «денницу, сына

зари», что намеревался «сесть на горе в сонме богов, вознести престол и стать подобным Всевышнему», но вместо того оказался «низвержен во ад, в глубины преисподней» (Ис., 14, 12–15). Конкретно же о войне говорится только в последней части Нового Завета, Откровении Иоанна Богослова: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змей, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр., 12, 7–9), причем, учитывая апокалиптический контекст, это может быть как рассказ о прошлом, так и пророчество будущего.

Впрочем, нас сейчас интересуют исключительно древнегреческие мифы творения и их определяющее влияние на мировоззренческую систему античности и основанную на ее ценностях литературу. Главное, на что нам нужно обратить внимание в этом контексте — взгляд на добро и зло.

22

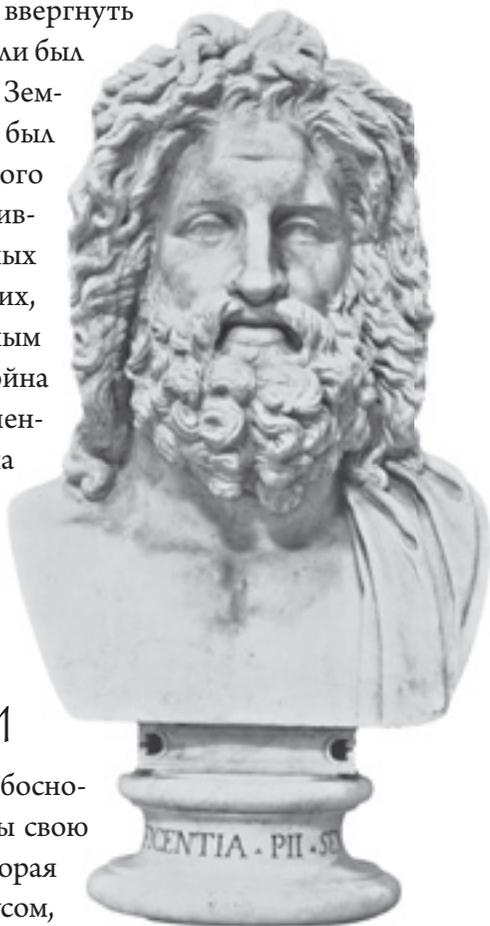
Любые архаические космологии обязательно задают основу для принципиального различения добра и зла. Это сделать непросто, если из системы морали исключен человек — а самые ранние мифы, как правило, повествуют о том, как возник и каким был мир до появления человека. Мы привыкли описывать оппозицию добра и зла при помощи гуманистических ценностей: то, что приносит вред человеку, причиняет ему страдания, лишает благополучия и самой жизни есть зло; то, что исцеляет, спасает жизнь и делает ее счастливой — добро. В отсутствии человека необходимо назначить иные нравственные и смысловые координаты понятиям добра и зла, определить их через что-то еще. В монотеизме такой координатой становится единый Бог, безусловное послушание воле которого есть добро, сопротивление — зло. Ценность человеческой жизни, не говоря уже о ее качестве, в этом случае становится второстепенной: так, например, сегодня при попытке перечислить десять христианских заповедей всякий начнет с «не убий», потому что мы, современные люди, воспитаны в гуманистической системе. На самом деле, эта заповедь не первая, а шестая, а первые пять регламентируют отношения человека и Бога, определяя таким образом нравственную иерархию всей религиозной системы.

Древнегреческая мифология не знает монотеизма, поэтому дихотомия добра и зла опирается на понятия порядка и хаоса — ключевые для античного мира. Добро есть упорядоченность и гармония — тоже древнегреческое слово, *ἀρμονία*, обозначающее безупречное сочетание частей целого. В более широком смысле гармония определяется как непротиворечивое единение противоположностей, их мирный союз; недаром богиня Гармония покровительствовала согласию и счастливому браку, а сама была дочерью Ареса и Афродиты, богов войны и любви.

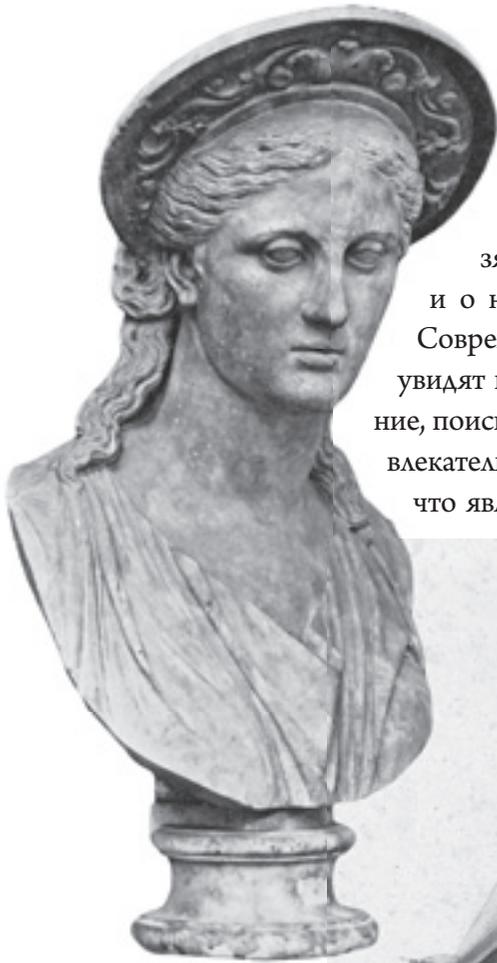
Зло в этой системе координат есть разрушение гармонии и порядка, космическая энтропия, угрожающая свергнуть мир в хаос. Вне зависимости от того, прав ли был Уран, заключив сторуких чудовищ в недра Земли, бунт против отца со стороны Крона был несомненным нарушением установленного порядка, а потому стал причиной обрушившегося на мир хаоса и рождения ужасных чудовищ. Он и сам сделался одним из них, монстром, проглатывающим собственными детьми, а потому потребовалась новая война Зевса с Кроном, чтобы исправить нарушенную гармонию мира и восстановить ее на новом уровне. Когда улеглись пыль и пепел последних сражений, для поддержания этой гармонии был устроен новый равновесный порядок, основными хранителями которого стали

ОЛИМПИЙСКИЕ БОГИ

Громовержец **Зевс** (рим. *Юпитер*) обосновался на вершине Олимпа. Он взял в жены свою сестру, богиню **Геру** (рим. *Юнону*), которая с этого момента, в соответствии со статусом, стала покровительствовать брачным узам и семейному очагу. Собственный брак Геры,

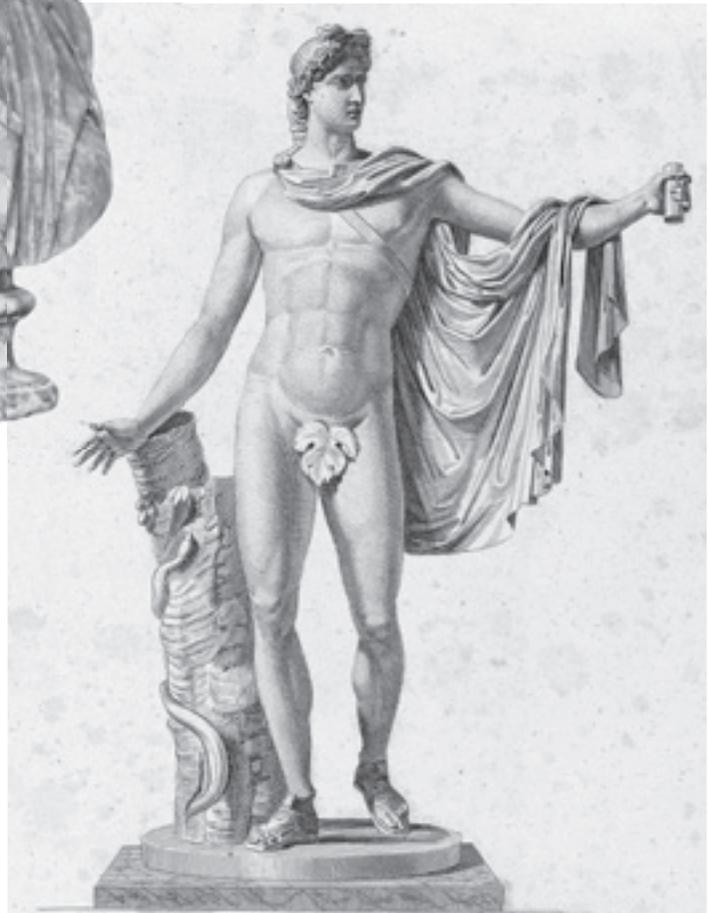

Скульптура Зевса или Юпитера в музее Ватикана. Фото 1870–1890 гг.

Гера, бюст. Фото
1859 г.

Аполлон.
1825 г.
Художник:
Ашер Браун
Дюран
(1796–1886)

впрочем, вряд ли можно было назвать безмятежным: добрая половина ранних мифов о богах и героях так или иначе содержит сюжеты о супружеской неверности Зевса, его бесчисленных связях с богинями, полубогинями, смертными и о народившемся от этой связи потомстве. Современные адепты популярной психологии увидят в этом типичное нарциссическое поведение, поиск постоянного подтверждения своей привлекательности и признания окружающим миром, что является прямым следствием детской трав-